

коления (объектно-ориентированных и дескриптивных языках, появившихся в 1980-е годы) точно формулируются только решаемые задачи. Это становится возможным благодаря произошедшему в этот период скачку в развитии программирования. Программы, которые пишут на объектно-ориентированных и дескриптивных языках, определяют, что должны сделать компьютеры или что они должны решить. То, как это нужно сделать, компьютеры в этом случае определяют сами с помощью тех возможностей и тех программных модулей и блоков, которые у них имеются. Разработка подобного рода языков является существенным ускорением в направлении создания современных интеллектуальных систем.

Литература

1. Дейт К. Введение в системы баз данных. М., Наука. 1980. 463 с.
2. Мартэн Д. Базы данных. М., Радио и связь. 1983. 168 с.
3. Поспелов Д.А. Логико-лингвистические модели в управлении. М., Энергоатомиздат. 1981. 231 с.
4. Цаленко М.Ш. Моделирование семантики в базах данных. М., Наука. 1989. 287 с.
5. Эндрю А. Искусственный интеллект. М., Мир. 1985. 265 с.

ОСМЫСЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА: ФИЛОСОФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ

Необъективное и объективное сомнение в познании

Жданов С.Г.

Университет машиностроения
8(495) 683-99-70

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса познания, выявляет роль, формы и виды сомнения. Рассматривается вопрос о месте интеллектуальной интуиции в процессе осознания проблемной ситуации.

Ключевые слова: интеллектуальная интуиция, объективное сомнение, необъективное сомнение.

Познавательная ситуация почти всегда включает наивное допущение о существовании изучаемого объекта в реальном мире, окружающем человека. Она как бы втягивает критически мыслящего человека “внутрь себя”, и вот уже наивные сомнения и вопросы о существовании объекта превращаются в глубинные вопросы, последовательность которых способна превратиться в развивающуюся систему, в чем собственно и проявляется свобода и щедрость познания.

Рассмотрение вопроса о динамике научного знания предполагает сравнение его постпозитивистских моделей. При этом важно не только исследовать историю знания как такового, но и выделить внешние и внутренние компоненты знания. Попперовская модель динамики научного познания, подчиняет развитие науки «внешнему» фактору – системе строгих стандартов. “Внешний фактор” свидетельствует, что мы стремимся к “внешне” строгому знанию и более строгому критическому незнанию о мире, о невозможности получить знание из опыта. Казалось бы, социальные и психологические причины научного поиска, естественно отнести к “внешним факторам”, однако у философов науки Т. Куна, М. Полани, П. Фейерабенда они больше соотносимы с “внутренней” динамикой науки. Для Т. Куна факты лишь относительно ценны, поскольку они включаются “во внешнюю” по отношению к фактам парадигму.

Исторически схожее разделение на внутреннюю и внешнюю динамику знания можно проследить уже в античности. Сократ ставит задачей своего познания “Любовь к Мудрости”. Он ищет такие особенные “внутренние” предикаты суждений, которые были сокрыты в глубинных тайнах души. Душа не сомневается “в себе” как субъекте, однако она стремится, возможно бессознательно, к новым признакам совершенства в своем преображении “в Люб-

ви”. Напротив, Платон, полагая субъектами познания вечные и прекрасные Идеи, считает предикаты несущественными и производными от них. Рассуждение о познании дается им “во внешней” динамике, поскольку мир идей выступает как готовое абсолютное знание и одновременно как внешний по отношению к человеку стандарт. Платон вводит в познание внешнее сомнение в субъекте, как сомнение в высказывании. Для его описания он использует труднопереводимое на русский язык понятие «σφοδρόβυνη» – «благоразумие» (так переводит это понятие А.Ф. Лосев) или «сдерживающая мера» (перевод В.Ф. Асмуса). Впрочем, трудно сказать, что именно подразумевали Сократ и Платон относительно задач “познавательного сомнения”, т.к. мыслители писали преимущественно об истинности знания, а не о сомнении.

Само понятие “сомнение” предполагает два противоположных суждения, и оба обладают почти равносильной достоверностью. Мы можем полагать, в качестве гипотезы, что в одном случае сомнение может относиться к субъектам суждений, а предикаты сомнения не вызывают. В другом случае сомнение может относиться к предикатам суждения, а субъект суждения сомнения не вызывать. Первый случай – философия Сократа, в ней происходит поиск ещё неизвестных и “особенных” предикатов “Любви к Мудрости”, субъект сомнения не вызывает и сомнение является “внутренним”, относящимся к предикатам, оно бессознательно, созерцательно и необъективно. Второй случай – философия Платона, который ищет субъекта «абсолютного знания». Сомнение здесь “внешнее” и объективное. Следовательно, объективное сомнение “вовне” представимо “сомнением трансцендентальным”. Кроме того, объективное сомнение есть сомнение дискурсивное, опирающееся на философскую рефлексию. Необъективное “сомнение вовнутрь” есть при целостности субъекта суждения “сомнением имманентным”. Необъективное сомнение, в сократическом случае “любви к Мудрости”, присутствует в познавательной ситуации почти постоянно и незаметно, оно «экономит» озарение бессознательной интеллектуальной интуиции, как ложный или истинностный результат, конкретный, скрытый до поры до времени в глубинах познавательной задачи.

На самом деле, довольно трудно определить является ли у истоков познавательной ситуации отдельно взятого мыслителя сомнение случайное, вообще не затрагивающее связи между субъектом и предикатом, сомнение необъективное или сомнение объективное.

В диалоге “Филеб” Платона познавательная ситуация начинается с сомнения и реализуется в бессознательной сфере “припоминающей души”:

С о к р а т. «Что это мерещится мне стоящим там у скалы, под деревом?» Не кажется ли тебе, что он сказал это себе, если бы ему померещилось нечто подобное?

П р о т а р х. Отчего же не сказать?

С о к р а т. А если бы он вслед за тем ответил себе, что это человек, разве не наугад сказал бы он так?

П р о т а р х. Конечно, наугад.

С о к р а т. Подойдя же поближе, он может быть, сказал бы, что видимое им, есть извятие, поставленное какими-нибудь пастухами?

П р о т а р х. Весьма возможно.

С о к р а т. А если бы кто-нибудь был возле такого человека и слова, сказанные самому себе, этот человек обратил бы теперь к присутствующему, то разве то, что мы прежде называли мнением, не стало бы речью?

П р о т а р х. Как же иначе?

С о к р а т. А ведь когда ему случается наедине с самим собой размышлять об этом, то в иных случаях он проводит в таких размышлениях продолжительное время.

П р о т а р х. Совершенно верно.

С о к р а т. Так как же? Думаешь ли ты относительно этого то же, что и я?

П р о т а р х. Что именно?

С о к р а т. Мне представляется, что наша душа походит тогда на своего рода книгу.

П р о т а р х. Как же?

С о к р а т. Память, направленная на то же, на что направлены ощущения, и связанные с этим ощущениями впечатления кажутся мне как бы записывающим в нашей душе соответ-

ствующие речи. И когда такое впечатление записывает правильно, то от этого у нас получается истинное мнение и истинные речи; когда же этот наш писец сделает ложную запись, получаются речи противоположные истине.

Пр о т а р х. Я с этим совершенно согласен и принимаю сказанное” [6; 42].

В диалоге «Филеб» Платона мы имеем два противоположных суждения, которые вызывают сомнение. По словам Сократа, мы можем считать это сомнение необъективным, т.к. оно, при первом приближении, якобы опирается на предикаты. Сомнение, опирающееся на предикаты виденного, есть необъективное, т.к. сомнения возникают в субъекте суждения: или это человек, или изваяние, и не сомнение по признакам; хотя и на самом деле это и не так. Сократ указывает на сомнение именно в субъекте суждения, а не в предикатах: “И слова, сказанные самому себе, этот человек обратил бы теперь к присутствующему”. Следовательно, Платон устами Сократа “объективирует сомнение. Как мы отметили выше, объективное сомнение свойственно основаниям познавательной ситуации в учении Платона, стремящегося к Абсолютному знанию. В приведённом выше фрагменте из диалога Платона объективное сомнение разрешается бессознательным озарением: “впечатления кажутся мне как бы записывающим в нашей душе”, – интеллектуальной интуицией. Припоминание в душе есть озарение, о чем свидетельствует слово “походит тогда”: “Наша душа походит тогда на своего рода книгу”. Объективность сомнения в философии Платона в качестве основания познавательного действия отмечал и С.Л. Франк в своём труде «Верховное постижение Платона» на примере “Мифа о Пещере”: “Оставим пока хронологию в стороне. Присмотримся к живому и огромному смыслу этого синтетического свидетельства Платона о самом себе. С не допускающей никаких сомнений определённой Платон говорит о солнечном постижении, т.е. о постижении Солнца, или истины самой в себе. Если могут быть какие-нибудь сомнения или, вернее, вопросы, то не о характере и не о безусловности постижения, а лишь о том, своё ли постижение имеет в виду Платон или чьё-нибудь чужое, и к себе ли относится освобождение от уз, выходящее из пещеры и узрение самого источника света или же говорит об этом с чужих слов” [7, с. 466]. Сомнение разрешается или реализуется в предпочтительных условиях щедрости или свободы познания экономией или, некоторым, озарением “благоразумия” в интеллектуальной интуиции. Интуиция требует последующего подтверждения своей истинности или, наоборот, ложности. Результат интуиции после озарения сохраняет некоторую неопределённость. Ряд суждений, в том числе и суждения с сомнением, предположительно легко можно объединить в одно суждение. Всякий пример импликации в таких суждениях в качестве логического следования можно рассматривать как условно имплицитные. Отметим условия логического следования при импликации:

- между ложными суждениями следование есть истина;
- между ложным суждением и истинным суждением есть истина;
- между двумя истинными суждениями, возможно, ложное следование.

В практической жизни и в научных суждениях мы соприкасаемся с альтернативными картинками мира, или конкурентными предпочтениями, которые не все могут быть истинными.

В познавательных формах согласуются несколько объектов или согласуются операции, которые при других согласованиях понимаются иначе. Примерами познавательных форм могут служить административные бланки, анкеты, в которые респонденты могут вкладывать абсолютно любое содержание. В итоге, даже при сомнительном содержании форма имеет познавательный имплицитивный статус. Формальными могут быть и церемониальные действия, которые различные по статусу индивиды реализуют в какой-либо ситуации. Импликация применима к любой познавательной ситуации, где встречается задача или проблема, где первоначальные условия открыты для детерминации проблемной ситуации или результата. Примером детерминированной импликации может служить циферблат часов. Также время связано с экономией жизненных сил человека, что собственно человеку свойственно от природы, и интуиция здесь как озарение (“благоразумие” в платоновском смысле) выступает экономией объективного и необъективного сомнения. В объективном сомнении нас интере-

сует внешнее сомнение: “который час?” Объективное сомнение, по сомнению в субъекте суждения трансцендентно. Оно разрешимо через субъект суждения, точнее, заменой интуитивной экономии одного субъекта суждения другим, где правомерным интуитивным ответом может служить какой-нибудь один из таких ответов: “утро”, “день”, “полдень”, “вечер” или “глубокая ночь”. Необъективное внутреннее, отчасти имманентное, сомнение. Необъективное сомнение в ситуации сомнения в признаках некоторого “часа” предикативно в признаках “минут”. Необъективное сомнение в силу своей бессознательности постоянно сопровождает человека в ситуации сомнения в минутах, даже когда человек смотрит на циферблат своих часов, он как бы переспрашивает себя, видя непосредственно минуты: “Не спешат или не отстают ли часы?” Необъективное сомнение также “экономится” схватыванием интеллектуальной интуиции.

В истории философии трудно категорично и однозначно определить какое сомнение объективное или необъективное было в истоках творчества мыслителя. Однако некоторую закономерность можно предположить в качестве гипотезы. Думаю, есть много оснований считать “Сомнение”, как принцип достоверности в философии Р. Декарта объективным сомнением, как бы “внешним” по отношению к методам, в данном случае выступающим как признаки в своём многообразии. Философию Б. Спинозы можно представить “экономией” необъективного сомнения. В философии Спинозы сама “Природа” как субъект сомнения есть целостность, а “экономией” необъективного сомнения познаются её явления. В философии А. Бергсона в истоках “экономия” объективного сомнения. Мы постоянно сталкиваемся с решением “внешних” и “внутренних” задач в решении наличных и глубинных вопросов исследовательской деятельности. Б.С. Грязнов предложил различать познавательные вопросы по особенностям ответа на них: ответ, которым является одно или несколько утверждений теории, есть ответ на задачу; ответ, которому соотносима теория в целом, есть ответ на проблему как таковую. Историей научных исследований, следовательно, будет являться история “внутренних” имманентных решений научных задач.

Таким образом, наличные вопросы познавательных ситуаций позволяют преодолевать объективное и необъективное сомнения экономией сомнения в озарении непосредственной интеллектуальной интуиции, что во внутреннем своём аспекте есть решение задач, а во внешнем аспекте есть решение правильно поставленных познавательных проблем.

Литература

1. Асмус В.Ф. Античная философия: - 3-е изд. – М.: Высш. шк., 1999. – 400 с.
2. Кармин А.С. Интуиция: Философские концепции и научное исследование. – СПб.: Наука, 2011. – 901 с. (Серия «Психология сознания»).
3. Коэн М., Нагель Э. Введение в логику и научный метод / Пер с англ. П.С. Куслия. – Челябинск: Социум, 2010. – 655 с.
4. Лебедев С.А. Философия науки: общие проблемы. – М.: Издательство Московского университета, 2012. – 336 с.
5. Налимов В.В. Облик науки. СПб. М.: Центр гуманитарных инициатив, Издательство МБА, 2010. – 368 с.
6. Платон. Филеб / Платон. Собр. соч. в 4 т-х. Т. 3 / Пер. древнегреч.; Общ. Ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – 654 с. [Философское наследие]. С. 42.
7. Эрн В.Ф. Верховное постижение Платона / Эрн В.Ф. Сочинения. – М.: Правда. Приложение к журналу “Вопросы философии”, 1991. С. 463 – 532. – 575 с.